

ТРЕТЬЯ РЕВОЛЮЦИЯ В АРГЕНТИНЕ

Борис Ихлов

Буэнос Айрес сверху – огромная электронная плата, коричневатые квадратики, прямоугольнички...

Самолет приземлился в аэропорту «Министро Пистаррини». Перед этим – 9 часов ожидания в Шереметьево (не закрывались дверцы багажного отсека), потом 19 часов лета, через экватор, с приземлением на острове Сал близ Африки. В порту – пять часов ожидания, пока откроют дверцы багажного отделения самолета Росфлота. Их откроют только через сутки.

Нас, делегацию из России и Белоруссии, поначалу поместили в квартиру в центре города – без душа и с комарами. В столице проживает треть населения, свыше 12 млн человек. Это относительно зажиточная, образованная часть общества, один только крупнейший в мире на конец тысячелетия университет со 160 тысячами студентов, из разных стран мира, включая развитые. В сравнении с беднотой и неграмотностью, скажем, жителей Патагонии, которые приезжают в столицу как на другую планету.

Впрочем, это «сити», центр Буэнос-Айреса, а по окраинам на многие километры тянутся ветхие лачуги, составленные из бракованных строительных блоков, а порой из картона. Одному аргентинскому троцкисту, который приехал в Пермь, я показал черные деревянные дома в центре города. Он сказал: «Это дворцы!»

Рабочий класс – 4 млн человек. Но что-то в аргентинцах... от цыган. Нередко можно видеть, как из окна вполне приличного дома современных серий высыпают мусор на стоящий внизу автомобиль. Тем не менее, аргентинцы считают себя крайне высокомерными. У них даже есть анекдот: погиб аргентинец, обычная смерть – бросился с высоты своего величия.

В стране есть всё: нефть, уголь, цинк, другие металлы. Есть мирового значения курорт – Мар дель Плата (разумеется, с русскими матерными словами на туалетах). Между прочим, в стране нет конфликтов на национальной почве.

В начале XX века страну наводнили переселенцы из Европы и России: англичане, немцы, итальянцы, испанцы, украинцы, евреи, русские... Государственный язык - испанский, тем не менее, каждая диаспора хранит свой собственный язык. И даже проживает обособленно, скажем, в столице есть итальянские кварталы. Испанцы посмеиваются на евреями, которых называют русо. Англичане посмеиваются над испанцами, украинцы над англичанами – но в 2002-м, когда под задницу пнули пятерым президентам, они шли вместе, дружной сплоченной семьей.

Хотя некая национальная иерархия всё же существует: первые – испанцы, затем итальянцы, затем англичане, и в конце – русские, украинцы и русо. Выйти украинцу за испанку – престижно.

В Аргентине идет то же процесс, что и во всем мире – буржуа становятся госчиновниками, собственность как владение соединяется с собственностью как управлением. В Италии – Берлускони, во Франции – Ширак, в Аргентине депутаты парламента – крупные землевладельцы.

Чтобы противостоять первой семерке стран, Аргентина входит в ряд экономических объединений, напр., МЕРКОСУР. Штаты, однако, навязывают всему континенту проект АЛКА, подобный европейскому Маастрихтско-Амстердамскому договору, только единая валюта – доллар, и все «преференции», как говаривал покойный Егор Гайдар – у США.

Штаты навязывают, но прежние правительства стран Латинской Америки не всеильны – у «латиносов» богатейший опыт держать провашингтонские власти в напряженном состоянии.

Маленький пример. Если в России публикация данных об инфляции вызывает, ну, легкое колыхание, не больше, то в Аргентине... Инфляция вычисляется по специальной программе на компьютере. Данные компьютера тут же публикуются в прессе. Согласно этих данных осуществляется индексация зарплат. Не дай бог не проиндексировать, это вам не Россия.

И вот однажды уровень инфляции оказался достаточно высок. Как показали данные компьютера. В лабораторию к программисту тут же нагрянула полиция. Ученого заперли в его кабинете и держали там до тех пор, пока он не исправил программу. Чтобы она высчитала заниженный уровень инфляции...

Латинская Америка неоднородна: после Пиночета США утвердились в Чили. У них особый договор. С богатейшей Мексикой – тоже. Прочие страны стараются держаться подальше...

Население Латинской Америки превышает население Евросоюза раза в полтора. Так что лозунг: «Вместе с Китаем шапками закидаем» - актуален, как и антиамериканские настроения. Тем не менее, обнаружилось, что население Латинской Америки легко воспринимает мифы, распространяемые российско-североамериканской прессой, как факт. В частности, миф о том, что трудящиеся РФ поддерживают Путина. Или о том, что в РФ начался рост промышленности.

Левые свято верят – и левые этому способствуют – что население Чечни просто жаждало отделиться от России. После обработки левой прессой и рабочие стали сочувствовать чеченским боевикам, эти бескорыстным, добрым, беззащитным бородачам...

Когда я в разговоре с активистом МСТ Панчо сказал, что «Бритиш петролеум», которой нужен выход к Каспию, финансировала чеченских боевиков, поставляла им инструкторов, что за убитого русского платили 100 долл., за убитого русского военного – двести, за офицера – триста, что боевики похищают русских и требуют за них выкуп, и вообще не Россия начала войну, это 22 тысячи чеченских боевиков-ваххабитов вторглись в Дагестан... Панчо сказал, что не верит. Но верит буржуазной прессе!

В 2001-м СМИ пытались представить кризис в Аргентине как следствие огромного внешнего долга в 135 млрд. долл. Однако это далеко от истины. Общий внешний долг всех латиноамериканских стран еще в 1970 году составлял 400 млрд. долл., что составляло половину общего ВВП. Этот долг во все времена служил орудием давления на правительства стран Латинской Америки, но никогда не приводил к кризисам. Тем более, в сравнении с рекордным госдолгом США на 1-е февраля 2013 г. в 16,4 трлн. долл., который обещает к 2020 году вырасти до 77% ВВП...

Во-вторых, согласно исследованиям аналитиков Международного банка, чем меньше курс национальной валюты по отношению к доллару (имеются в виду изменения курса), тем меньше потребление страной нефти. Таким образом, девальвация песо ведет вовсе не к возможности выплаты долга, а к еще больше стагнации производства. С другой стороны, обнищание населения снижает спрос, следовательно, пропорционально снижается объем выпускаемой продукции широкого потребления, а за ней – продукции всей промышленности.

В-третьих, развитые страны столько крови высосали из Латинской Америки, что она уже многократно расплатилась со всеми внешними долгами. Так, в 1965 г. ВВП Аргентины вырос на 12,5%, а реализация продукции дочерних предприятий США в Аргентине – на 66%, и т.д.

Наконец, уж если говорить о существовании «внешнего долга», необходима его переоценка – поскольку сам доллар обеспечен золото-валютными резервами США лишь на 4%.

Происходившее в Аргентине с точностью воспроизводило период дефолта в России. Падение курса рубля не означало ничего иного, как льготную распродажу контрольных пакетов госпредприятий зарубежным компаниям в духе третьего этапа приватизации по Чубайсу и, соответственно, падение жизненного уровня рядовых граждан. Точно так же речь шла о денационализации предприятий и отраслей Аргентины в пользу США. Необходимость для США новых внешних вливаний в экономику диктуется не только экспансионистскими устремлениями, но и конкуренцией доллара с евро.

Наконец, рост цен на нефть не мог не вызвать реакции Вашингтона. И эта реакция носит стандартную форму. Например, в виду угрозы голосования 6 сентября 1930 г. Конгресса Аргентины за национализацию нефти президент Иполито Иригойнен был свергнут в результате военного переворота под руководством генерала Хосе Феликса Урибуру. Реакция населения – обратна, в 1943-м Рамона Кастильо свергли из-за того, что он пытался разрешить разработку месторождений нефти североамериканским компаниям. Кстати, и уход Перона тоже в немалой степени был обусловлен его «добрыми отношениями» с «Калифорния-ойл-компани» (Эдуардо Галеано, «Вскрытые вены Латинской Америки», М. «Прогресс», 1986).

В целом и внешняя, и внутренняя политика Аргентины к моменту кризиса находилась в зависимости от Вашингтона. Еще Хуан Мануэль де Росас с его протекционистским таможенным законом 1835 г., запрещавшим импорт товаров широкого потребления, по закону 1857 года *до сих пор является преступником*, предавшим родину, как и национальный герой (!) Хосе Артигас, проводивший политику национальной индустриализации – хотя его изображение, по традиции, касающейся всех правителей страны, на аргентинских монетах...

Политика ГАТТ, ВТО и других торговых организаций, служащая интересам развитых стран (в первую голову США) в ущерб прочим странам, привела к проникновению дешевых товаров с менее развитые страны и к вымиранию огромных социальных слоев местных производителей. Так, с 1995 г. структура экспорта-импорта Аргентины перешла критическую точку: страна, как и ряд других стран Латинской Америки, перестала быть аграрно-сырьевым придатком северного континента. В структуре экспорта стала преобладать продукция более высокотехнологичного производства. Этому способствовал предшествующий рост средней продолжительности обучения. Но беспрецедентный рост импорта превысил рост экспорта. В 1997 г. у Аргентины – отрицательное внешнеторговое сальдо (И. Н. Устинов, «Мировая торговля», МГИМО, МИД РФ, М., «Экономика», 2000). С этого момента осталось лишь считать дни до кризиса. Тем не менее, и правительство Аргентины, и местные компании продолжали за незначительные взятки открывать таможенные границы перед компаниями США, которые являются основным инвестором в Латинской Америке (75% всех капиталовложений).

В те, да и в последующие дни в левых организациях Аргентины шли ожесточенные споры – стрижено или брито. Лично я сильно сомневался, что именно в Аргентине движение способно достичь какого-то позитивного результата. Ведь Штаты могут просто купить участников движения. «Зачем им покупать пороховую бочку?!» - хвастливо возражали мне аргентинские троцкисты.

Покупка производилась и самими властями. Так, правительство Аргентины отдало фонд помощи безработным в руки Международного Союза Трудящихся (МСТ) и маоистов. Руководства этих организаций платили только тем безработным, которые приходили на акции протеста. Ничего не напоминает?

Сомневаться, конечно, я сомневался, но высказал предположение, что противостояние США и Европы может помешать США, и янки выпустят движение в Аргентине из под контроля («Аргентина: что впереди», «Рабочий вестник», №45, 2002). Как оказалось, несколько ошибся...

В 2001 году власти Аргентины действовали по отработанной схеме: облегчили доступ иностранного капитала, приватизировали предприятия, отпустили (либерализовали) цены. По странному стечению обстоятельств иностранный капитал, которому облегчили доступ, оказался почти весь принадлежавшим компаниям США. Через короткое время получили результат, регулярно наблюдающийся в эксперименте: банкротство предприятий и банков, скачок цен, понижение зарплаты, массовые увольнения. Банки перестали выдавать накопленные суммы в полном объеме, а лишь до 1000 песо. У дверей тех банков, что еще сохранились, выстроились очереди в четыре квартала. Мера, без сомнения справедливая и связана с тем, что – естественно! – образовался внешний долг. Ну, заняло правительство до получки... Как и в любой стране, где отработывалась схема либерализации экономики по рекомендациям МВФ, занятые деньги бесследно испарились. Будто и не появлялись.

Полную приватизацию предприятий, привязку песо к доллару, облегчение доступа иностранного капитала, поддержку США в Ираке, Боснии, Гаити (В. П. Андропова, «500 дней Дел ла Руа», «Латинская Америка», №9, 2001), короче, «вхождение в мировую цивилизацию» осуществил президент Карлос Менем. Надо было слышать, как на самодельном концерте на Майской площади оперные певцы выпевали примерно следующее: «Президент Менем хочет, чтобы Аргентина вошла в цивилизованное мировое сообщество. Но ему возражают, что Аргентина уже в мировом сообществе. Из 36 миллионов населения 30 живут по «мировым стандартам». Как, спрашивает президент, неужели 30 миллионов? Нет, 30 человек». Любопытно, почему у российских оперных певцов хватает способностей лишь на церковные песнопения. Зато, как утверждает В. П. Андропова в цитированной статье в «ЛИА», «Менем избавил страну от гиперинфляции...» Ну, надо же!

Как только стало известно, что Аргентина не в состоянии выплатить занятые 135 млрд. долл., США начали требовать долг обратно. Поскольку в связи с обвальной приватизацией собираемость налогов упала до 50%, правительство Дел ла Руа наложило арест на счета банковских вкладчиков. Разумеется, пострадало мирное население, ибо незадолго до ареста крупные собственники вывезли из банков за пределы страны – естественно, в традиционные оффшорные зоны – свыше 100 млрд. долл. Более того, они продолжали вывозить капитал и после ареста, в аэропорты прибывали десятки *грузовиков* с долларами. То же самое буржуа делали в Чили, чтобы подорвать власть Альенде.

Уже в декабре 1999 г. безработица достигла 14,5%, а общий долг 170 млрд. долл. Дел ла Руа занял еще 40. Итого 210. Непостижимым образом за два года долг уменьшился на 75 млрд. долл. Это невозможно, следовательно, означает фиктивность долговых обязательств вообще.

До обвальной приватизации Аргентина представляла собой отнюдь не аграрную, а развитую по современным меркам страну. Помимо традиционного экспорта мяса и пшеницы, Аргентина экспортировала и высокие технологии, имела развитое на местной основе производство поршневых самолетов, атомных станций на собственном топливе, имела замкнутый ядерный цикл, выиграла тендер на строительство атомной станции в Австралии. Было отлажено производство собственных моделей танков, средств ПВО. Местные инженеры проектировали запуск спутника (проект «Кондор-2»), однако США усмотрели в этом угрозу создания баллистической ядерной ракеты, и «Кондор» не взлетел.

В результате заботы МВФ военный авиационный завод «Aerea material Cordova» был куплен компанией США «Локхид Мартин» и закрыт. Североамериканцами же куплен и ряд железорудных шахт и тоже закрыт, несколько тысяч рабочих уволено. Закрыт металлургический завод «Somisa» в Сан-Николасе, несколько тысяч рабочих было уволено. То же самое произошло с нефтяными скважинами, угольными шахтами, железнодорожными депо, химическими заводами и пр. Если до «реформ» на железной дороге работало 120 тыс. рабочих, то к дефолту лишь 16 тыс., на единственном в стране железнодорожном заводе уволили 120 из 300 рабочих. Повсюду шпалы и рельсы в плачевном состоянии, возникла угроза остановки поездов. Закрытие ожидало и предприятия, разрабатывающие цинк, медь, бериллий, марганец. Обоснование не отличалось новизной: «нерентабельность».

Дел ла Руа умудрился отдать в руки иностранных фирм даже традиционное местное производство – мясокладобойни, с которого начиналась промышленность страны.

Еще держались на плаву заводы Крайслера, Рено, Форда, Фольксвагена. Однако в декабре 2000 года страна пережила рестройку и дефолт одновременно. Курс песо, ранее усилиями МВФ привязанный к доллару, понизился до 1,4 песо за доллар официально, на черном рынке – 2 песо за доллар. Таким образом, упали и относительно высокие (4 доллара в час) доходы тех, кто трудится на автомобильных предприятиях. Рабочие

требовали либо выдавать им зарплату в долларах, либо заморозить цены. Однако правительство не рискнуло посягнуть на прибыли хозяйев предприятий, теперь уже иностранных.

В тот период учителя получали 300-400 песо в месяц, железнодорожники – 600-800, медсестры – 200-300 песо в месяц. Что до североамериканских и британских «аналитиков», то в журнале “The Economist” (январь, №12, 2002) они не нашли ничего лучшего, чем обвинить в привязке песо к доллару самих аргентинцев.

В декабре 2001-го величина безработицы была зафиксирована на уровне 15% экономически активного населения. Но уже в середине января тот же “The Economist” (№5-11, 2002) сообщил о 18%. К концу января уровень достиг 20%, а к 10 февраля – 25%. Сами аргентинцы утверждали, что реально в стране свыше 30% безработных. 14,5 млн. человек – за чертой бедности. Выживали за счет случайных заработков, «челночного бизнеса», займов у друзей. Детям выдавали еду в школе, многие ученики посещали школу только из-за этого. Муниципалитеты также выдавали голодающим безработным немного еды, но далеко не всем. Остальные грабили или воровали. Что воровали? Не только продукты питания и не только из магазинов, но и проволоку, кабель – до боли знакомая картина. К армии безработных присовокупили пенсионеров – им просто перестали выплачивать пенсию. За год Аргентину потрясли три всеобщие забастовки. Министр финансов Ремес Леников запросил «вливания свежего капитала», т.е. увеличения долга еще на 25 млрд. долл. Его поддержал премьер-министр Испании Хосе Мария Аснар. Премьер призвал Аргентину согласиться с новым планом МВФ – принять вышеозначенный кредит в 40 млрд. долл.

Если в России процесс задержки зарплаты и пенсий был растянут во времени и в пространстве, то в Аргентине все произошло по всей стране в одночасье. В конце концов, как пишет искренне желтая «Независимая газета», 13 декабря «глубинку страны, а затем Буэнос-Айрес *охватила волна насилия*» (№7(2561) от 21.1.2002), будто насилие к властям не относится. На самом деле – не 13-го, а 12-го. Протестующие строили баррикады, полиция применяла газы, арестовала свыше 4500 человек. 19 декабря свыше полумиллиона человек в Буэнос-Айресе вышли на улицы, гремя пустыми кастрюлями. 20 декабря правительство Де ла Руа было сметено.

В стране существует жандармерия, основной задачей которой является охрана государственных границ. Существует армия, дислоцированная в казармах, окруженных каменными заборами с колючей проволокой наверху. Днем армейские зоны гордо и воинственно обороняют охранники с винчестерами. Однако в результате свержения военной хунты роль армии в обществе резко упала. К тому же в армейских подразделениях, как и в жандармерии, достаточно велика «пролетарская прослойка», заработок колебался около 400 песо в месяц. Поэтому по ночам партийные активисты спокойно раскрашивали каменные заборы своими лозунгами.

Помимо армии и жандармерии существует местная полиция и федеральная. Именно федеральная полиция и приняла участие в декабрьских событиях. 29 декабря, после того, как толпа прорвала заграждения и ринулась к президентскому дворцу на Майской площади, полицейские открыли огонь. Было убито 27 человек. 30 декабря штурмовали здание Национального Конгресса. Еще шестеро погибло в результате уличных столкновений.

Де ла Руа обещал «не нарушать базовых принципов модели Менема», но «усилить справедливость» и начать борьбу с коррупцией, возникшей в ходе приватизации. Однако закончил тем, с чего начал: через пять дней после того, как он стал президентом, протестующие рабочие по примеру горняков Украины, шахтеров и машиностроителей России перекрыли один из главных мостов. Вмешалась федеральная полиция. Было убито пять человек, в том числе женщины.

За две недели сменилось пять президентов, к власти пришел Эдуардо Дуальде, представитель отвергнутой Хустисиалистской партии (Партии справедливости), однако ситуация продолжает ухудшаться. Стал очевидным старый российский опыт: замена одного царя на другого ничего не меняет. Митингующие скандировали в адрес Дуальде: «Ихо де путо!» (сын педераста), они поют эти слова, ритмично повторяя «путо-путо-путо» и пританцовывая в ритм, это стало хитом сезона.

Карлос Менем, президентствовавший до Де ла Руа, оказался причастен к контрабанде оружия в Эквадор и Хорватию в 1991-1995 гг. Было заведено дело на директора Национального агентства пенсионного здравоохранения В. Алдерете и руководителя Центрального банка П. Поу (см. статью Андроновой в «ЛА»). Менему, а также идеологу монетаризма и МВФ в целом Доминго Кавалло запретили выезжать из страны. Именно Кавалло довел долг страны с 65 млрд. долл. до 170.

Перонистская Хустисиалистская партия, членом которой состоял Менем, оказалась, таким образом, дискредитированной. Низовые структуры партии и ранее зачастую выступали против руководства, позже анархия достигла апогея. Отношение населения к перонистской партии – как в России к КПСС в 1991 г. Хорошо запомнились события в дни избрания Дуальде, когда левые партии выступили против, но правительство натравило на них перонистов с дубинками. Оказался дискредитированным и «оппозиционный» «Альянс за труд, справедливость и образование», поскольку Де ла Руа избран от Альянса.

Основу Альянса составляли Гражданский радикальный союз (ГРС), фактически первая партия Аргентины, выразитель интересов крупной буржуазии, а также Фронт солидарной страны (ФРЕПАСО), руководимый Карлосом Альваресом. Управляемый из Вашингтона, ГРС не был в состоянии вести политическую борьбу в одиночку. Что до ФРЕПАСО, его представители называли себя «истинными перонистами», поэтому эта организация тоже была дискредитирована.

Сошли на нет все правые партии, предприняты судорожные попытки заполнить правую оппозиционную нишу. Возник СТИ – Аргентинский трудовой центр. Его лидер Виктор Дехенаро, связанный с ФРЕПАСО, пожелал «капитализма с человеческим лицом» и не захотел «политизировать социальные проблемы». Из осколков ГРС и ФРЕПАСО социал-демократического направления, деятелей культуры и искусства возникла очередная партия АRI – «Четвертая аргентинская республика равенства». Главный поборник равенства Элиса Каррио мечтал ликвидировать наиболее заметные язвы системы и построить «честный капитализм». Еще одна тусовка – «Действие во имя республики».

Их не слушали. Они не могли, как де Голль, подавить движение лозунгом «Да здравствует республика!» Лозунг оказался направлен со стороны рядовых граждан против властей. Население понимало, что ВСЕ правые партии – проамериканские, дышат одним воздухом. Лозунг дня: «Уходите ВСЕ!»

(Невозможно удержаться от ремарки: лидер КПРФ Зюганов так часто говорит о справедливости, что ему следовало бы переименовать КПРФ в партию справедливости... Что-то знакомое в этих наивных названиях партий, что-то напоминает...И она таки возникла, Справедливая Россия!)

Госчиновникам стало невозможно появляться в людных местах, в баре, ресторане, в парке – им начинали аплодировать и кричать: «Воры! Убийцы!» 10 февраля министр иностранных дел Аргентины Рукауф, будучи в Мадриде, попытался вылететь в Буэнос-Айрес. Пассажиры не хотели лететь вместе с ним и принялись аплодировать. Охрана все же протолкнула Рукауфа в самолет. Пассажирам приказали сидеть в креслах, на протяжении всего полета горела надпись: «Застегнуть пристяжные ремни!» Однако пассажиры нашли выход и бряцали застежками ремней от Мадрида и до Буэнос-Айреса, имитируя гром кастрюль.

Примечательно, что в многотысячных демонстрациях принимал участие средний класс: его представителей легко отличить по обязательным пиджакам и галстукам, даже в 30-градусную жару.

По всей стране, в каждом крупном городе ежедневно проходили забастовки, перекрытия магистралей, митинги с громом пустых кастрюль, барабанным боем и выступлениями с мегафоном. Численность митингов колебалась от 100-300 участников в микрорайонах до 5-7 тыс. в районах Буэнос-Айреса и до 30-70 тыс. на центральной Майской площади. Организаторы – и это характерная черта – вовсе не партийные функционеры, а рядовые граждане. Из митингов возникли организационные – по месту жительства – структуры, так называемые ассамблеи.

Не только в России, но и в Аргентине не любят партии. В России партийные функционеры уже давно поняли, что от партии в Думу попасть затруднительно. Поэтому избираются от всевозможных наспех созданных «блоков», фондов и пр. Еще в 1989 г. в Куйбышеве состоялся 40-тысячный митинг. Один из выступавших начал речь следующими словами: «Я представитель первой в стране оппозиционной партии Демократический Союз!» Не было даже секундного замешательства: акустическая волна возмущения граждан смела оратора с трибуны. То есть, «не успели избавиться от одного захребетника, как через его голову уже лезет другой».

В Аргентине свистом удаляют от мегафона не только представителей правых партий, но и правого направления журналистов. Более того, «партофобия» распространяется и на некоторые левые партии. На одной из крупных ассамблей в конце января сего года организаторы не допустили к мегафону функционера троцкистской организации «Партидо Обреро» (Партия трудящихся). Тем не менее, левые партии также организуют ассамблеи, а также совместные с «независимыми» ассамблеями митинги на Майской площади, столь же многочисленные. Но всё же факт самоорганизации населения крайне любопытен и напоминал Советы в 1905 г. в России. Разница в том, что местные проблемы отходили на второй план, уступая место общеполитическим. И всё же характерный лозунг некоторых ассамблей: «Даешь Советы!»

Лозунги ассамблей возникали стихийно, без какого-либо «привнесения в сознание» со стороны партий: 1) отказ от выплаты долга, 2) направить деньги на восстановление промышленности, 3) национализация предприятий, 4) отказ от займов.

В спектре левых партий четыре занимали главенствующее положение. Это троцкистский Международный Союз Трудящихся (МСТ), созданный в 1987 г. Науэлем Морено. После 1991 г. организация без труда потеснила компартию (КПА). Секрет успеха был прост: «... в построении единого фронта как против буржуазии, так и против бюрократов, чиновников, администрации. Наш новый профсоюз независим от правительства и партий...» («Crocodiles in the streets», Fryer, 1987).

После 1991 года резко ослабли все компартии мира, троцкистские же организации, опекаемые Вашингтоном, наоборот, поднялись. В Аргентине, где ослабла помощь КПСС, обанкротились и коммерческие структуры КПА.

Численность аргентинского отделения МСТ в то время – около 2000 человек. По сравнению с 1997 г. организация увеличилась вчетверо. Следом – тоже троцкистская «Партидо обреро», по численности примерно

такая же. Затем – уступающие в численности компартия и маоисты. Если в ЦК МСТ входят лидеры профсоюзов железнодорожников, врачей, учителей, в работе ЦК участвуют лидеры гигантских студенческих профсоюзов (с численностью 160 тыс. студентов), то маоистская партия (ССС) опекает Союз безработных.

Союз безработных крайне неоднороден. Он состоит как из «вновь прибывших», так и маргинализованных («люмпенизированных») слоев, из тех, кто уже давно потерял работу. Именно последние находятся под влиянием маоистов. Активисты ССС охраняют митинги и шествия Союза безработных в оранжевых комбинезонах и с металлическими дубинками.

Лозунг маоистской ССС в те дни: «Коалиционное правительство» (т.е. совместно с представителями предпринимателей, банкиров и пр.). Лозунг Партидо Обреро: «Вся власть Конституционному собранию» (Учредительному? Б.И.). Компартии: «Власть рабочим и народу» (Ну, точно, тень Зюганова с его «народовластием» витает над Латинской Америкой... Буржуазия – тоже народ, а не снежный человек.) МСТ: «Власть рабочим и ассамблеям». Практически все лозунги ассамблей МСТ сделал собственными партийными, его программу приняли крупнейшие ассамблеи, профсоюзы и даже Союз безработных.

Что касается компартии, отношение к ней в Аргентине трудно назвать положительным. Дело в том, что в свое время КПА активно поддерживала военную хунту. Это не столь шокирующий пример... Компартия Панамы поддерживала Норьегу, компартия Никарагуа – Сомосу. Вы будете смеяться, но в то время, когда школьники СССР с пионерскими галстуками пели песню «Плывет вся Куба...» в честь Фиделя Кастро, компартия Кубы ретиво выступала против Кастро и поддерживала США. Что, впрочем, не мешало лидерам компартий дружески встречаться с генсеком КПСС на Совещаниях компартий... Сам Кастро изначально не был коммунистом. Но он понимал, что необходимо ограничение иностранного капитала, национализация экономики и пр. – для того, чтобы экономика выжила в конкуренции с компаниями развитых стран.

Профсоюзы Аргентины – традиционно проперонистские, перонистской партией и созданы. Аналогично – в СССР. Тогдашний руководитель официального профсоюза страны, Генеральной конфедерации Труда (CGT) Рудольфо Дайер – перонист. Глава официальной оппозиции официальному профсоюзу Уго Можано – тоже перонист. Однако крушение Хустисиалистской партии привело к резкому полевению внутри профсоюзов. Начался их распад, вытеснение профсоюзной бюрократии. Митинги профсоюзов в дни дефолта проходили уже без участия лидеров, профсоюзных боссов, точнее, лидеры присутствуют на митингах в качестве сторонних наблюдателей.

Развал промышленности привел к деклассированию, следовательно, к ослаблению рабочего движения. Основой для объединения рабочих служат отнюдь не партия или идеология, но индустриальная база. Если она разрушена, то вместо класса с *едиными* интересами возникает масса с *одинаковыми* интересами, вместо класса-для-себя – класс-в-себе. Однако население Аргентины крайне быстро освоило опыт Франции 1968 г., Польши 1970-х, России 2001 г. После того, как ваш покорный слуга на встречах с протестующими рассказал об опыте рабочих ВЦБК, захвативших комбинат, к моему отъезду, к началу февраля рабочие захватили угольную шахту, металлургический завод, текстильную фабрику в Буэнос-Айресе, а также керамическую фабрику в Неукене, самостоятельно наладили выпуск и сбыт продукции. Через год было захвачено около 300 предприятий, в том числе больница и типография в Буэнос-Айресе.

После декабрьских событий в Аргентине даже праволиберальные российские журналы и газеты, такие, например, как «Итоги» и “Moscow Times” заговорили об МВФ в негативных тонах, а событиям придали глобальное, точнее, «антиглобалистское» (в смысле «антиамериканское») значение.

В те годы средняя зарплата в нефтяной отрасли – свыше 18 тыс. р. в месяц, что в 2 – 6 раз превышало средние зарплаты по другим отраслям российской промышленности. Хорошо известно, что доллар – это «нефтяная валюта». То есть, от перекоса промышленности в сторону сырьевого экспорта страдают высокотехнологичные производства, сферы здравоохранения, науки и т.п. Поэтому очевидна необходимость в вытеснении доллара, в замене резервной валюты на золото, евро, йену. Валютное обеспечение доллара (т.е. золотом, серебром, ценными бумагами, другими валютами) составляет, как было уже сказано, всего 4 цента.

К тому времени лишь государственный внешний долг США составлял 3,4 трлн. долл., что в 20 с лишним раз превышало долг России или Аргентины. Если же учесть внешний долг субъектов-штатов, внутреннюю задолженность и пр., сумма составляла 370 трлн. долл. Поэтому, несмотря на явную левизну протестующих, на волне ненависти к США движение аргентинских трудящихся поддерживали в России даже представители среднего класса, мелкие держатели акций и т.п.

25 мая 1810 г. генерал Хосе де Сан-Мартин возглавил армию патриотов, возникшую на волне восстания аргентинцев против испанских колонизаторов. 9 июля в провинции Тукуман Национальный Конгресс провозгласил независимость государства «Объединенные провинции Ла Платы». Это была антииспанская революция.

В 1946 г. к власти приходит Хуан Перон. Образована Хустисиалистская партия, принята новая Конституция, разрешены партии и профсоюзы. В 1955 г. экономическая депрессия заставит Перона эмигрировать. Беспорядки на флоте в июне 1955-го закончились свержением Перона. Это движение возглавили офицеры военно-морского флота и некоторые представители ВВС; к нему присоединились также некоторые армейские подразделения из внутренних частей страны, в частности в Кордове. Когда флот стал угрожать обстрелом Буэнос-Айреса, Перон покинул страну, и власть перешла в руки мятежников.

Преемником Перона на посту президента стал генерал Эдуардо Лонарди, руководивший восстанием в Кордове. Однако уже в ноябре 1955 произошел переворот, в результате которого во главе страны оказался генерал Педро Эухенио Арамбуру. Правительство Арамбуру оставалось у власти до 1 мая 1958. В течение этого времени оно осуществляло программу свободного предпринимательства (внеся в нее некоторые изменения) и пыталось бороться с инфляцией преимущественно путем замораживания заработной платы.

Но рост забастовочного движения в 1973-м возвращает Перона на президентское кресло. Перон начинает «аргентинизацию экономики». Предпринят «целый ряд мер, направленных на защиту национальной экономики (ограничение иностранного капитала, национализация ряда отраслей экономики, развитие госсектора», что «при всей половинчатости имело прогрессивное значение. Были отменены репрессивные законодательства, объявлена амнистия политзаключенным, приняты меры для нормализации деятельности вузов.» («Страны и народы. Южная Америка», М., «Мысль», 1983). Это была антибританская революция.

Через два года после смерти Перона, в 1976 г. власть захватывает военная хунта. Хунта свергает Марию Перон, и президентом становится высший армейский чин Хорхе Рафаэль Видела.

Хунта распускает Национальный Конгресс, приостанавливает деятельность партий, денационализирует предприятия и предоставляет льготы иностранному – североамериканскому – капиталу.

В тот период активистов профсоюзов отлавливали, сажали в «Боинг», вкалывали им наркотик и выбрасывали в океан. Редкому профсоюзному активисту Аргентины тех лет сапоги полицейских не проходились по лицу. По сей день, скажем, студенты Аргентины приходят на профсоюзные собрания с дубинками.

В 1983 г. военная хунта приказала долго жить.

В марте 1981 Виделу на посту президента сменил генерал Роберто Эдуардо Виола, который в сентябре того же года был вынужден, в свою очередь, уступить место генералу Леопольдо Фортунато Гальтьери. Вскоре после прихода Гальтьери к власти начались массовые демонстрации протеста против роста цен, безработицы и нарушений прав человека.

13 декабря 1983 вступил в должность новый президент Рауль Альфонсин. По его приказу были немедленно арестованы Видела, Виола, Гальтьери и их соратники из военной хунты (два месяца спустя по обвинению в убийстве был арестован Биньоне); Национальный конгресс объявил закон об амнистии не имеющим силы. Всем старшим офицерам в армии было предложено подать в отставку. Чтобы излишне не обострять отношений с вооруженными силами, Альфонсин отдал распоряжение, чтобы преступления офицеров были рассмотрены военным судом.

Хотя ежегодно по Майской площади Буэнос Айреса перед зданием Национального Конгресса (позади которого в этом же здании – тюрьма) кругом проходят демонстранты, неся фотографии жертв хунты, но североамериканский капитал прочно – казалось бы – закрепился в стране. С другой стороны, патерналистская политика Перона вернулась бумерангом – профсоюзное движение оказалось в затяжном кризисе. Полная аналогия с ВЦСПС – ФНПР!

Не просто нарушение свободы слова – журналиста, который писал об одном мафиози, хозяине, в частности, аэропорта «Министро Пистаррини», просто убили, без всякого расследования. Но хуже: полиция под видом борьбы с наркоманией начала отлавливать политически активных молодых парней и убивать. Тогда молодежь объединилась в подпольные организации, которые принялись убивать полицейских.

В дни дефолта рядовые аргентинцы заговорили о третьей революции - антиамериканской.

США намеревались устроить внешнее управление долгом по аналогии с Египтом, Мексикой и др., т.е. поставить Аргентину на положение еще одного штата. А также в качестве оплаты разместить на юге страны ядерное оружие. Не удалось.

Однако ясно, что доминировавшие троцкистские организации и не собирались воевать со США. Характерно высказывание одного из активистов МСТ Лисандро Платцера: «Для русских прибалтийские эсэсовцы – фашисты, а для прибалтийцев – защитники родины». Весь МСТ с энтузиазмом поддерживал чеченских боевиков. Оказалось далее, что фактический руководитель МСТ, член исполкома Даниэль Калищук – агент ЦРУ. Там ему и

псевдоним подобрали: Поляк, Стефан Страпко; ограниченный Калищук явно не смотрел советский фильм об ограблении Гохрана после революции, где один из грабителей – польский анархист Стефан Страпко.

Когда в Амстердаме Европа собиралась подписывать окончательный договор об объединении, ВСЕ троцкистские организации учредили 30-тысячную демонстрацию против подписания договора. На акцию приехал даже шведский анархо-синдикалистский профсоюз SAC, который ранее заявлял, что не участвует в политике. По пути в Амстердам дин из представителей белорусской делегации в лоб спросил Даниэля, зачем протестовать против объединения Европы. Растерявшийся Калищук ответил честно: «Это ударит по США».

Рядовые члены МСТ говорили мне: «Мы ходим на митинги и демонстрации уже двадцать лет. Двадцать лет нам твердят, что в мире революционная ситуация. И никаких перемен, для нас – тоже». На каждой мелкой встрече по 5-10 человек лидеры МСТ собирают с «революционеров» дань. И эти деньги идут на улучшение благосостояние лидеров МСТ.

Сам МСТ возник в результате раскола, еще в течение десяти лет МСТ сам пережил первый раскол. Руководство неожиданно перешло от поддержки косовских албанцев к поддержке Сербии, а также отказалось от сотрудничества с британским про-вашингтонским троцкистским «Милитант». И в этом есть и заслуга автора этих строк.

Затем произошел 4-й раскол, и один из осколков вышвырнул патологически жаденького Калищука вместе с его либеральной про-вашингтонской женой Патрисией Ли.

«Примерно век назад дон Хосе Батле-и-Ордоньес, президент Уругвая, присутствовал на футбольном матче, - писал в те дни Эдуардо Галеано. - «Как прекрасно было бы видеть 22 зрителя и 10 тысяч игроков!» – заметил он. Может, он имел в виду массовую физкультуру, которую пытался развить в стране. А может, говорил о той демократии, которой ему хотелось. Прошло столетие, и на аргентинской стороне реки, разделяющей две страны, тысячи манифестантов вышли протестовать, одев футболки своей национальной сборной, как нежный жест собственной национальной принадлежности, своей счастливой ясности родины, и в этих аргентинских футболках они захватили улицы страны. Люди, уставшие быть зрителями собственного унижения, вышли на игровое поле. И будет непросто убрать их оттуда,» Галеано – уругвайский независимый писатель, выдающийся публицист. В день написания им этих строк упомянутый президент Аргентины Адольфо Родригес Саа также ушел в отставку.

Итак, в Аргентине за 13 дней сменилось четыре президента. Полная и частичная безработица достигла 30% активного населения, в провинции Буэнос Айрес, самом крупном рабочем районе страны – 50%. За полгода число нищих увеличилось на миллион. Ежедневно черту бедности переходили 9 тыс. чел.

Если в 1986 году доходы самых богатых граждан превышали доходы бедных в 23 раза, то к моменту прихода к власти нового президента, Эдуардо Дуальде – уже в 40 раз. В стране резко подскочило вверх число «иномарок» - хорошо известная России верная примета резкого расслоения общества по доходам. Шикарных автомобилей стало так много, что даже на Панамериканской магистрали регулярно возникали пробки.

Курс доллара вырос с 1 долл. до 3 долл. Налоги перестали платить. Демонстрации требовали отставки Верховного суда и всех членов парламента.

И... что? Что после Дуальде с его невнятной политикой усидеть на двух стульях, между демонстрациями и МВФ?

К власти в Аргентине пришел представитель перонистской хустисиалистской партии Киршнер, опять же «и нашим, и вашим». Т.е. представитель той же партии (Партии справедливости), против которой боролись ассамблеи.

В те дни я участвовал в движении, шел с демонстрантами, выступал перед ассамблеями, на собраниях левых и перед жителями кварталов, раздавал листовки, малевал надписи на стенах... Один из лидеров движения спросил, что я думаю, возьмут ли левые власть в Аргентине. Вместо ответа я рассказал анекдот о петухе, которых бежит за курицей и думает: «Догоню – вы..бу, не догоню – согреюсь...»

Дело в том, что ассамблеи – солянка сборная, в них участвует и средний класс, интересы которого серьезно расходятся с интересами рабочих. Акцент на рабочее движение не был сделан ни левыми, ни ассамблеями. Эту солянку сборную Россия уже проходила – в период перестройки. Та же солянка сборная, только уже под бантиком антиглобализма, под опекой мировой социал-демократии, состоялась в бразильском Порту-Аллегри – и вновь бесплодно.

Та же солянка сборная – в Москве-2019. Да еще под лозунгом поддержать либеральных кандидатов в депутаты.